

Секция «Обеспечение финансовой безопасности России: финансовые расследования в цифровой экономике»

Правовая природа и юридическая ответственность искусственного интеллекта: дискуссионные вопросы

Василихина Юлия Владимировна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Высшая школа государственного аудита, Москва, Россия

E-mail: vasilihina7@gmail.com

Технологические достижения, порожденные научно-техническим прогрессом на современном этапе развития общества приобретают значительную роль в жизнедеятельности человека. При внедрении новых технологий, необходимо учитывать как их положительную составляющую, так и отрицательную, которая заключается в возможности причинения вреда той или иной технологией отдельному индивиду или обществу в целом.

Стремительные темпы развития приобретает и внедрение искусственного интеллекта в различные направления деятельности человека. Искусственный интеллект переходит из ранга научных дискуссий в инструмент выполнения конкретных целей и задач, что является мировой тенденцией. В настоящее время, искусственный интеллект используется в сфере налогообложения, беспилотного транспорта и транспорта в целом (Калифорния, Швейцария, Голландия, США и пр.) [1], на фондовой бирже, в медицине, юридической деятельности и в ряде других. Каждый из нас обращается к технологиям искусственного интеллекта ежедневно, используя «голосовых помощников», онлайн-перевод или распознавание текстов и объектов на изображениях. Не зря, Джордж Дайсон отмечает, что «мы живем в век искусственного интеллекта» [2].

При введении в практическое применение любого технологического новшества должна следовать реакция права, цель которого - создание правового механизма регулирования и использования технологии для обеспечения безопасности общества, предотвращения нарушения гарантированных прав и свобод человека и гражданина и их защиты. Искусственный интеллект не является исключением. Определение правовой природы такого явления как искусственный интеллект стала одной из важнейших задач как отечественного, так и зарубежного правоведения. В российском праве в настоящее время отсутствует четкий правовой механизм, регулирующий правоотношения, которые складываются в связи с применением искусственного интеллекта. Ахиллесовой пятой в данном случае является вопрос об ответственности искусственного интеллекта, за совершаемые им деяния, поскольку он не признается субъектом права по российскому законодательству. В связи с чем возникает ряд вопросов о понятии искусственного интеллекта с точки зрения права, необходимости признания его субъектом права и возможности этого в рамках существующей правовой системы, о том, должен ли искусственный интеллект нести ответственность и какие модели ответственности искусственного интеллекта выделяются в доктрине и практике, что нам надлежит рассмотреть далее.

Первостепенно необходимо определить какие подходы к понятию искусственного интеллекта существуют в научной среде и практической плоскости. Стоит отметить, что ученые, практики, российские и зарубежные специалисты не имеют единой точки зрения. Различное толкование изучаемому явлению дают И.В. Понькин, А.И. Редькина, П.М. Морхат, Д.В. Смолин, А.В. Шилейко, Р. Курцвейл, С. Рассел и П. Норвиг, Р. Беллман и многие другие. Назовем лишь позиции некоторых авторов. Так, П.М. Морхат понимает

под искусственным интеллектом полностью или частично автономную самоорганизующуюся компьютерно-аппаратно-программную виртуальную, в том числе биокибернетическая, систему, которая обладает способностями и возможностями мыслить, обучаться, самостоятельно принимать решения [3]. Д.В. Смолин рассматривает искусственный интеллект в трех аспектах: как систему, способную самостоятельно изменять модель своего поведения в зависимости от имеющихся в определенный момент условий и информации, так, пример целеустремленной системы - самонаводящаяся ракета; как систему, моделирующую поведение человека; и, как систему, способную посредством диалога с человеком усилить его интеллектуальные способности [4]. С точки зрения выдающихся ученых в области вычислительной техники и искусственного интеллекта, С. Рассела и П. Норвига, существует четыре подхода к пониманию сущности искусственного интеллекта. Первые два подхода выражаются в формулах «думающий как человек» и «действующий как человек», что подразумевает высокий уровень сходства данной системы с человеком. Исходя из этого искусственный интеллект определяется как «аппаратный и информационно-программный комплекс, действие которого аналогично действию механизмов человека» [5]. Третий и четвертый подходы, противоположны первым двум и базируются на критериях рациональности мышления и действий искусственного интеллекта, на основании чего система является искусственным интеллектом лишь тогда, когда она принимает правильные решения и совершает правильные действия, при условии знания о том, что является правильным.

Несмотря на неопределенность в толковании термина «искусственный интеллект» в научной среде российский законодатель дал четкое определение. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года, принятой Указом Президента от 10 октября 2019 года № 490 искусственный интеллект понимается как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Однако относительно данного определения, также ведутся дискуссии среди практиков и ученых.

Для обсуждения вопроса, касающегося юридической ответственности искусственного интеллекта за совершаемые им действия, необходимо не только лишь определить его природу в целом, но следует отразить аспекты и его правовой природы, а именно правосубъектности, поскольку лишь то лицо, которое обладает ей может являться участником юридического правоотношения. В данной связи возникает ряд спорных вопросов, которые нам следует рассмотреть далее.

Как известно, правосубъектность включает в себя три элемента: правоспособность, дееспособность и деликтоспособность. Также, является важным замечание о том, что субъект права должен действовать в своей воле и в своем интересе (п.2 ст.1 ГК РФ). Можно ли говорить о их наличии у искусственного интеллекта? Следует ответ - нет, поскольку, во-первых, признать наличие психологических процессов, происходящих в психике у феномена, которые не имеет биологического происхождения представляется сомнительным и в настоящее время невозможным. Во-вторых, искусственный интеллект же по своей сути является комплексом технологических решений, которые созданы человеком для удовлетворения конкретных потребностей общества, поэтому собственного интереса он иметь соответственно не может. Правовой защите будут подлежать интересы того лица, которое искусственный интеллект использует [6]. Таким образом, следует вывод о том, что наличие волевого компонента как мыслительного и осознанного процесса в действиях искусствен-

ного интеллекта с точки зрения теории права отсутствует, хотя имеет важное юридическое значение и является необходимым элементом для дееспособности, то есть способности приобретать и осуществлять права, создавать своими действиями обязанности и исполнять их.

Крайним вопросом, выступает вопрос и о деликтоспособности. Может ли обладать ей искусственный интеллект? Исходя из вышеназванных положений и учитывая то, что правонарушение всегда предполагает наличие вины как его субъективной стороны, а вина в свою очередь - это психическое отношения лица, его совершившего к содеянному, которого у искусственного интеллекта нет, также следует ответ нет.

Таким образом, основываясь на проведенном анализе элементов правосубъектности, следует вывод о том, что признания искусственного интеллекта субъектом права, обладающим правосубъектностью аналогичной правосубъектности физических лиц в рамках российского права на текущем этапе видится невозможным.

Однако существуют прецеденты причинения искусственным интеллектом, который в том числе является в определенной степени автономным в своей деятельности, вреда человеку. Так, например, весной 2018 года в Аризоне беспилотный автомобиль компании Uber, оснащенный технологиями искусственного интеллекта сбил женщину насмерть [7]. Беспилотный транспорт внедряется и в России. И в целом, сферы применения технологий искусственного интеллекта достаточно широки на сегодняшний день. Такие ситуации, могут происходить и в будущем. Поэтому необходимо разрабатывать механизм правовой защиты от причинения вреда искусственным интеллектом и модель юридической ответственности, которая позволит данный причиненный вред компенсировать.

Ранее мы определили, что искусственный интеллект не может являться субъектом права, поэтому юридическая ответственность не может быть возложена персонально на него, хотя в литературе есть и противоположные точки зрения. Отсюда проистекает необходимость изучить иные модели юридической ответственности за противоправные деяния искусственного интеллекта, которое выделяются российскими и зарубежными учеными.

Первая группа ученых, допускающая возможность частичного и полного признания ИИ субъектом права, называет следующие подходы: ИИ как «антропоморфное тело» [8], «электронная личность» [9], «человек» [10], «юридическое лицо» [11], «электронное лицо» [12], «животное» [13]. Вторая группа, отрицающая возможность наделяния искусственного интеллекта правосубъектностью, возлагает ответственность за противоправные действия искусственного интеллекта на владельца искусственного интеллекта или его разработчика (создателя) [14]. Из всех названных, наибольшей популярностью среди российских правоведов пользуется концепция «юридического лица», как наиболее подходящая для российской правовой среды, поскольку она проста и не требует масштабных законодательных изменений, позволяет применять нормы по аналогии и использовать толкование права. Однако стоит отметить, что для гражданского и административного законодательства, при таком подходе барьеров не возникнет, но они рождаются в области уголовного права, поскольку юридические лица согласно действующему уголовному законодательству не являются субъектом преступления, таким статусом обладают лишь физические лица (ч.1 ст. 19 УК РФ). Ко всему прочему, применения аналогии права в уголовном законодательстве запрещено (ч.2 ст. 3 УК РФ).

В связи с этим подлежит к рассмотрению также подход, предложенный профессором крупнейшего в Израиле юридического факультета Академического колледжа «Оно», Габриэля Халлеви, и кандидата наук Национальной юридической школы Индийского университета, Джомона Хосе, которые в своих работах [15] предлагают следующую классификацию возможных моделей юридической ответственности ИИ: искусственный интеллект как невинный субъект (The Perpetration-By-Another liability (PBAL)), модель предвиденного

правонарушения (The Natural-Probable-Consequence liability(NPBL)), и третья, однако не подходящая для нашей точки зрения, модель полноправного субъекта правонарушения (The Direct liability: AI as subject of criminal liability(DL)).

Подводя итоги вышеизложенному, следует вывод о том, что на современном этапе при-
дание искусственному интеллекту статуса субъекта права не видится возможным, в силу
отсутствия волевого компонента, собственного интереса, психики, что является неотъемле-
мой частью правосубъектности лица. Даже при незначительной вероятности достижения
искусственным интеллектом того уровня автономности, при котором он сможет быть
признан субъектом права, не разрешится дискуссия о его деликтоспособности, поскольку
в каждой из приведенных моделей ответственности ИИ существуют барьеры в их примене-
нии. Одной из наиболее доступных концепций ответственности, на наш взгляд, выступает
концепция ИИ как вещи, при которой ответственность возлагается на разработчика или
владельца, поскольку говорить об осознанности самого искусственного интеллекта при
совершении деяний достаточно рано. Данный вопрос подлежит глубокой оценке и прора-
ботке со стороны законодателя.

Источники и литература

- 1) Цуканова Е.Ю., Скопенко О.Р Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом// Вопросы российского и международного права. 2018. № 4А. С. 42-28.
- 2) George Dyson, Turing's Cathedral: The Origins of the Digital Universe (Pantheon Books 2012) ix.
- 3) Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2018. N 1. Т. 22. С. 91 - 109.
- 4) Морхат П.М. Искусственный интеллект: правовой взгляд. М.: Буки Веди, 2017. 257 с.
- 5) Russel S., Norvig P. Artificial Intelligence. A modern approach//2nd edition. Upper saddle river. N.J.: Prentice Hall.07458.
- 6) Указ Президента от 10.10.2019 г. № 490 «О развитие искусственного интеллекта в Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс».
- 7) Воля (психология). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Воля_\(психология\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Воля_(психология)). (дата обращения: 15.12.2021)
- 8) Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2018. N 1. Т. 22. С. 91 – 109.
- 9) Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 87.
- 10) Рыженков А.Я. Действие своей волей и в своем интересе как принцип гражданского законодательства ("Юрист", 2014, N 16)// СПС «Консультант Плюс».
- 11) Дурнева П.Н. Искусственный интеллект: анализ с точки зрения классической теории правосубъектности// СПС «Консультант Плюс».
- 12) Asimov I. Runaround // Astounding Science Fiction. New York, 1942. 180 p.

- 13) Добробаба М.Б. Искусственный интеллект: проблема распределения ответственности в условиях социальной интеграции // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: коллективная монография: в 4 т. / отв. ред. С.Д. Могилевский [и др.]. М., 2020. С. 16 – 25.
- 14) Саудовская Аравия стала первой в мире страной, предоставившей гражданство роботу// <https://inosmi.ru/science/20171028/240637933.html> (дата обращения: 15.12.2021).
- 15) Гордиенко В.В., Глаголев Р.В. Проблемы внедрения искусственного интеллекта и цифровых технологий в современную правовую систему // Auditorium. 2020. N 1 (25). С. 32 - 38.
- 16) Чашина З.А. Электронная личность как условие правосубъектности искусственного интеллекта // Верховенство права: человек в государстве: сборник научных статей, докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Ижевск, 2019. С. 619 - 624.
- 17) Сокова А.А. Искусственный интеллект: возможности и необходимость его уголовно-правовой охраны // Молодой ученый. 2019. N 16 (254). С. 122 - 125.
- 18) Архипов В.В., Наумов В.Б. Информационно-правовые аспекты формирования законодательства о робототехнике // Информационное право. 2017. N 1. С. 19 - 27.
- 19) Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. N 5. С. 157 - 170.
- 20) Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 2. 2019. С. 79–102.
- 21) Hallevy G. The criminal liability of artificial intelligence Entities – from science fiction of legal social// Akron Intellectual Property Journal: Vol. 4 : Iss. 2 , Article 1; Jose J. Legal liability issues and regulation of artificial intelligence// Dissertation work. 2017-18. CLCF/588/17.
- 22) Цуканова Е.Ю., Скопенко О.Р. Правовые аспекты ответственности за причинение вреда роботом с искусственным интеллектом// Вопросы российского и международного права. 2018. № 4А. С. 42-28.